УДК 13-130.1 Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2

Философия истории И. Г. Фихте в зеркале современности

А. А. Иваненко, А. Н. Муравьёв, К. В. Крюкова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Иваненко А. А., Муравьёв А. Н., Крюкова К. В.* Философия истории И. Г. Фихте в зеркале современности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 186–200. https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.205

Взгляд И. Г. Фихте на мировую историю, изложенный им в работе «Основные черты современной эпохи» и тесно связанный с остальными частями его системы, до сих пор остается слабо освещенным в отечественной научной литературе. Статья посвящена выявлению актуальности содержания его философии истории в современной духовной ситуации. Для достижения этой цели в статье демонстрируется, что творчество Фихте, включая его философию истории, в последние десятилетия вызывает растущий интерес мирового философского сообщества, концентрирующийся в деятельности Международного общества И. Г. Фихте. Кроме того, анализируется содержание философии истории Фихте в связи с его учениями о воспитании, языке и нации, а также рассматривается отношение к философии истории Фихте современных отечественных и иностранных исследователей его наследия. Оперируя при изучении данного материала методами текстологического и сравнительного анализа, авторы статьи приходят к следующим выводам. Философия истории великого немецкого идеалиста и сегодня сохраняет свое значение как с содержательной, так и с методологической стороны. По содержанию она обладает несомненным эвристическим потенциалом для истолкования прошлого человечества и освещения перспектив его развития. Предлагаемое Фихте разрешение коллизии между чисто рациональным и исключительно эмпирическим подходами к изучению истории мира представляется одной из наиболее многообещающих среди существующих методологических установок в этой области. Большую практическую значимость имеют учение Фихте об определяющей роли языка в жизни народа и нации вместе с разработанными им началами нового воспитания.

Ключевые слова: И. Г. Фихте, философия истории, язык, народ, нация, воспитание, разум.

Десятилетие, которое последовало за потрясшими мировое сообщество неурядицами 2008 г., заставило современную мысль очнуться от своего фривольного увлечения скептицизмом постмодерна и в условиях обострившейся проблематичности человеческого существования вспомнить о традициях «реализма, натурфилософии, спекулятивной философии и теологии» [1, с. 1]. Нельзя, правда, не заметить, что ее обращение к материалу классической философии, породившее, в частности, иллюзию «новой жизни немецкого идеализма» [1, с. 4], осталось зараженным всеми пороками того умонастроения, откуда оно произошло. Самым тяжким из этих по-

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2018

роков является поверхностная трактовка истории философии как истории различных философских учений, позволяющая продолжать легкомысленную игру произвольного сравнивания их друг с другом, начатую постмодернистами. Такая игра, которая увлеченным ею кажется антидогматической стихией свободы, на деле подменяет реальные проблемы философии вообще и особенно истории философии как науки многочисленными псевдопроблемами вроде выяснения отношений между тварями «философского бестиария»[1]. Однако наличная мировая ситуация настоятельно требует разумных решений, а они невозможны без разумного способа мышления, чье историческое развитие представляет собой история классической философии от Фалеса и Парменида до Шеллинга и Гегеля включительно, понятая как внутренне единый и объективно необходимый процесс, не приемлющий субъективные конструкции и деконструкции. Именно это обстоятельство стимулирует сегодня небывалую актуализацию классического философского наследия. Одной из наиболее значительных фигур, высвеченных нашим временем в историческом прошлом философии, является Иоганн Готлиб Фихте.

Имидж столпа национального самосознания, в котором Фихте предстал после публикации его «Речей к немецкой нации», выдержавших в течение XIX в. более сорока переизданий и против воли их автора содействовавших торжеству национал-социализма[2], заслонил во мнении соотечественников другие работы Фихте. Серьезное внимание ко всему объему его произведений возникло в Германии только после Второй мировой войны благодаря Рейнхарду Лауту, вокруг которого в 1950-е годы начал формироваться круг исследователей. В 1962 г. ими было инициировано ныне завершенное издание под эгидой Баварской академии наук Полного собрания сочинений Фихте в 42 томах, а в 1987 г. на базе интереса к этому великому немецкому идеалисту, вышедшему далеко за пределы его родины, создано Международное общество И. Г. Фихте, членами которого сегодня являются более двухсот ученых. Это общество работает в плотном контакте с региональными и национальными обществами Фихте, деятельность которых направлена на исследование его учения и вклада в мировую культуру, — Североамериканским обществом Фихте, Итальянским обществом по изучению Фихте, Иберийским обществом фихтеанских исследований, Объединением по исследованию Фихте на французском языке, Японским обществом Фихте, Латиноамериканской ассоциацией по изучению Фихте и др. С конца прошедшего столетия по настоящее время Международным обществом Фихте проведено девять международных конгрессов, посвященных различным аспектам фихтевского творчества, в том числе корням наукоучения и его последующей рецепции. В XXI в. темами конгрессов становились «И. Г. Фихте. Позднее творчество (1810–1814) и творчество всей жизни» (2003), «Знание, свобо-

[1] См., напр.: [2].

[2] Подтверждением того, что это случилось вопреки его воле, являются собственные слова Фихте в конце первой речи: «Не считая связи страха и надежды, взаимосвязь той части зарубежья, с которой мы пришли в соприкосновение (имеются в виду французы, в ходе наполеоновских войн подчинившие себе немцев. — *А. И.*, *А. М.*, *К. К.*), покоится на побуждениях чести и славы нации; однако немецкая ясность уже давно непоколебимо убедилась в том, что это пустые иллюзии и что никакая рана и никакое увечье единичного не излечивается славой всей нации; мы, пожалуй, могли бы стать, поскольку нам не будет дано никакого более высокого воззрения на жизнь, опасными проповедниками этого легко постижимого и обладающего некоторой привлекательностью учения» [3, с. 67].

да, история. Философия Фихте в XIX и XX столетиях» (2006), «Фихте — Шеллинг. Идеализм в дискуссии» (2009), «Фихте и его эпоха» (2012) и «Фихте и эпоха образов» (2015). В 2018 г. во Франции должен пройти очередной конгресс «Чувство — природа — интерсубъективность. Понимание Фихте реальности». Материалы этих конгрессов, а также многочисленных международных конференций, проводимых под эгидой Международного общества И. Г. Фихте, публикуются в журнале "Fichte-Studien", а в серии "Fichte-Studien supplementa" выпускаются монографии, посвященные философии Фихте. Видные члены этого общества выступили авторами исследований, ставших вехами в изучении классической немецкой философии в целом. Из их числа нельзя не назвать прежде всего книги Рейнхарда Лаута «Гегель перед наукоучением» (1987) и «Трансцендентальные линии развития от Декарта до Маркса и Достоевского» (1989), а также работы Гельмута Гирндта «Различие систем Фихте и Гегеля в работе Гегеля "О различии систем Фихте и Шеллинга"» (1965) и Вольфганга Янке «Тройственное завершение немецкого идеализма: Шеллинг, Гегель и неписаное учение Фихте» (2009).

Расширение интереса к учению Фихте не обошло стороной и Россию, о чем, кроме исследований П. П. Гайденко [4], Т. Б. Длугач [5], А. А. Иваненко [6] и А. Г. Ломоносова [7], свидетельствуют создание в Уфе в начале 1990-х годов Общества И. Г. Фихте, в настоящее время продолжающего свое существование под именем «Общество трансцендентальной философии», и осуществляемые с конца прошлого века переводы и публикации работ Фихте на русском языке [3; 8–17].

Современная мировая ситуация выдвинула на первый план популярные работы Фихте, написанные на основе наукоучения, — главным образом произведения на общественно-историческую тематику. Центральное положение среди них занимают «Основные черты современной эпохи» [18], где раскрыта всемирно-историческая необходимость длящегося по сей день промежутка времени, чей характер достаточно ясно и отчетливо определился уже к 1804–1805 гг., когда гениальный мыслитель прочел в Берлинском университете одноименный курс лекций по философии истории.

Согласно Фихте, история человеческого рода, который представляет собою способ существования единого Бога в виде множества людей, снабженных языком как условием их общественной жизни, выступает необходимым процессом реализации мирового плана, или Божественного провидения, постигаемого философской наукой. Этот план состоит в том, что за время мировой истории человечеству как роду разумных существ предстоит своими силами сознательно привести все свои отношения к природе и между людьми в соответствие с разумом. Поэтому первой эпохой мировой истории является эпоха разумного инстинкта, без всякого труда, науки и искусства обеспечивающего жизнь некоего априорно предположенного Фихте *нормального народа*, нормальность которого заключается в его непосредственно-разумной, так сказать, райской связи с природой. Реальное же человечество составляют в эту эпоху, надо думать, ненормальные народы, или, как выражается сам философ, *пугливые земнорожденные дикари*, вынужденные доказывать свою зачаточную разумность тяжелым трудом и еле сводящие концы с концами в опыте отношения человеческого духа к природным предметам. Кроме того, Фихте предполагает, что райское единство нормального народа с природой по необходимости распадается, вследствие чего он оказывается рассеянным по миру,

а его представители вступают в контакт с ненормальными народами. Это взаимодействие изначальной культуры и дикости кладет начало второй эпохе истории человеческого рода — эпохе авторитета, когда древние народы Средней Азии, греческого и римского миров слепо, но свободно подчиняются господству инстинкта разума в виде пришельцев со стороны, образуя органичные для себя первичные формы государства. Идейно освобождая людей от всякого рабства, христианство, распространившееся из Азии благодаря греческому языку, исподволь формирует новый европейский мир. Тем самым оно открывает человечеству, возглавляемому христианскими народами Западной Европы, возможность восхождения на третью, современную ступень мировой истории. Современная эпоха началась с лютеровской Реформации, выступившей против авторитета католической церкви за свободу совести и мнения. Эту эпоху пустой, отрицательной свободы философ называет *состоянием полной разнузданности и законченной греховности*, ибо выражающие дух времени индивиды, отвергая несовершенный разум в виде инстинкта и авторитета, вынуждены опираться только на собственный опыт. Суть современности ярче всего выявилась в феномене Просвещения (Aufklärung), или, по Фихте, Вычищения (Ausklärung), которое сделало универсальным орудием освобождения от суеверий эмпирическое понятие. Всеобщая потребность людей самим понять всё, что может быть понято, господствующая в современную эпоху, предвосхищает и закладывает в ней следующую необходимую ступень развития их человечности. Задача четвертой эпохи истории мира заключается в том, чтобы с помощью философии, познающей истину как таковую (единую Божественную идею как первоначало и конечную цель всего существующего, не могущего быть понятым без нее), преобразовать формальную науку рассудка, черпающую содержание исключительно из опыта, в содержательную в себе самой науку разума. Поэтому мыслитель не сочувствует жалобам на видимый упадок в современную эпоху нравственности и религиозности. Для него этот внешний упадок означает, напротив, внутреннее проникновение граждан нравственной природой государства, служащее необходимой предпосылкой утверждения на почве настоящего научного знания, которое в четвертую эпоху благодаря философски образованным ученым достигнет всеобщего признания, истинного государства, изжившего свой принудительный характер, и истинной религии, преодолевшей слепую веру в чудо, тайну и авторитет. Их утверждение в мире произойдет посредством разумного искусства воспитания человечности людей во время пятой, последней эпохи, венчающей историю человеческого рода его переходом в высшие сферы вечности.

Всемирно-историческая драма человечества, согласно Фихте, находится в третью эпоху ровно на половине пути к своей благополучной развязке. Разнузданный эгоизм граждан, достигших в наше время равенства перед законом при сохранении между ними имущественных различий, умеряется неукоснительным соблюдением буквы закона, за чем строго надзирают полиция и судебная власть, насаждая, таким образом, отрицательно-добрые, т. е. лишь *не дурные,* нравы. Это, помимо заметного смягчения суровости наказаний преступников, прокладывает дорогу к высшей исторической форме государства, содержанием которой явится установление положительно-добрых нравов, состоящих в том, чтобы в каждом индивиде уважать и чтить человеческий род. Целью такого государства, позднее названного социалистическим, будет постепенная мирная экспроприация капиталов, находя-

щихся в частном владении, в государственную собственность, позволяющую действительно использовать обобществленный капитал в интересах всех его граждан. Воцарение этих истинно добрых нравов, впервые полностью реализующих в совместной жизни людей христианский принцип равенства всех перед Богом, искоренит не только дурные нравы, вызванные ложным представлением о вечности общественного неравенства между людьми, но и эгоизм вообще, так как он останется свойствен лишь младенцам. В связи с этим главной, если не единственной функцией истинного государства станет организация на основе философской науки разумного искусства воспитания и образования подрастающего поколения. Они позволят всем благовоспитанным гражданам достичь полной ясности сознания своего внутреннего единства с Богом, а также гармонизировать свои внешние отношения к природе и с другими людьми.

Как выглядит эта проблематика, артикулированная Фихте более двух столетий назад, на исходе второго десятилетия XXI в.? Поиском ответа на этот вопрос занялись активно действующие сегодня российские и зарубежные знатоки фихтевского творчества — участники международной конференции «“Основные черты современной эпохи” И. Г. Фихте: История и современность с философской точки зрения», состоявшейся в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге в 2017 г.

Уже И. Кант преодолел точку зрения произвола в трактовке истории и выдвинул требование систематической и завершенной формы философии истории, указал *Владимир Макаров (С.-Петербург)*. Фихте развил подход Канта в том направлении, что предложил в качестве принципа философии истории цель свободного и сознательного устроения всех человеческих отношений на основе разума. Таким образом, Кант и Фихте, следуя за Платоном и Аристотелем, возвращают философию к точке зрения субстанциональности и конкретной моральности. Это позволяет Фихте развить философское представление об истории, охватывающее не только прошлое, но и будущее человечества, выделив пять эпох мировой истории, прохождение которых является неизбежным в связи с ее понятием и целью разворачиванием сущности человеческого духа. Важнейшим уроком философии истории Фихте при этом является то, что человек не может развернуть свою сущность и реализовать свободу, если он самостоятельно не усмотрит разумную и самосознательную природу человеческого духа и вытекающих из нее законов истории.

Раскрывая отношение разумности и индивидуальности в истории, *Хитоше Минобе (Япония)* заметил, что современные представления об истории, согласно которым судить о ней можно лишь апостериорным образом, т. е. на основе фактов, находятся в противоречии с утверждением Фихте о том, что развитие истории определено a priori. Каким образом должна быть разрешена эта коллизия? Опираясь на текст «Наукоучения 1804 (2)», японский исследователь продемонстрировал, что сознание, которое в своей конкретности есть сознание определенного индивида, согласно Фихте, представляет собой не простую видимость, а явление абсолютного бытия. Несмотря на то что в индивидуальном сознании абсолютное бытие как таковое остается неосознанным, выступая для сознания в виде некоторой относящейся к нему предметности, сам процесс выступления этой предметности, его единство и изменения в нем есть, по сути, процесс истории мира. Таким образом, эмпирическая жизнь индивидов и, следовательно, мировая история человеческого

рода есть не нечто потустороннее разуму и его априорности, а закономерное явление безусловной разумности, определяемое разумом и постижимое им.

Место философии истории Фихте в его философской системе определил *Вадим Мурский (С.-Петербург)*. Система этого великого немецкого идеалиста состоит из собственно наукоучения и подчиненных ему дисциплин, каждая из которых развивается им исходя из определенного факта сознания, причем к подчиненным дисциплинам относятся у Фихте учения о природе, праве, нравах и Боге. При этом в корпусе сочинений Фихте имеется ряд работ, самим их автором и последующей традицией относимых к категории популярных. Немалая их часть не может быть однозначно отнесена к какой-либо определенной подчиненной дисциплине философской системы Фихте, поскольку их содержание охватывает области сразу нескольких таких дисциплин. Именно к такого рода работам относится философия истории Фихте, содержание которой касается учений о праве, нравах и Боге. Если же рассмотреть вопрос о месте «Основных черт современной эпохи» в философской системе Фихте со стороны приводимой им в «Лекциях о назначении ученого» классификации видов познания — чисто философского, философски-исторического и лишь исторического, то станет ясно: это произведение содержит основоположения, проистекающие из учений о природе, нравах и о Боге, что составляет чисто философский момент данной работы, а также философски-историческое и лишь историческое применение этих принципов.

Вопреки широко распространенным представлениям о том, что Фихте отрицал ценность эмпирических исследований истории, в его сочинениях мы находим в значительной мере разработанную эпистемологию исследования истории, касающуюся как его априорной, так и фактической составляющих, подчеркнула *Роберта Пикарди (Италия)*. Что касается первой составляющей, то она должна базироваться на основоположениях, разработанных в наукоучении, ибо без них историческое исследование превращается в коллекционирование происшествий. Отвергая эстетизирующий подход к истории романтиков и Шеллинга, Фихте в то же время не приемлет и каузального объяснения истории по примеру естественных наук, поскольку область истории есть область свободы и однократных событий, отчего необходимость имеет в ней иное значение, чем в природе. При этом Фихте отвергает понятие вероятности как якобы достаточное в области истории и требует для исторической истины установления всего ряда производящих события причин. Исторические события, исходя из которых воспроизводится этот ряд, должны быть установлены на твердой фактически-документальной основе. Таким образом, действительная историография, по мысли Фихте, является производной двух методологических посылов. Понимание как отдельных фактов, так и их взаимосвязи невозможно без априорной схемы истории (в этом он наследует подход Канта), а установление какого-либо события в качестве исторического факта, в свою очередь, невозможно без критических источниковедческих штудий.

Павел Бойко (Краснодар) предложил тезис, что фихтевско-гегелевская оценка христианско-германского мира как высшей (после партикулярных форм свободы Востока и греко-римской Античности) эпохи развития человечества подтвердилась всем ходом новейшей истории. К началу XXI столетия в ведущих странах мира возникла цивилизация, которая включила в себя конституционно-правовое государство, демократическое гражданское общество, социально ориентирован-

ное рыночное хозяйство и сетевую информационную культуру. Однако для того, чтобы раскрыть историческую перспективу развития человечества, требуется познать диалектику понятия современного мира в моментах его всеобщности, особенности и единичности. В истории Европы рассудочное начало абстрактной всеобщности просуществовало со времени империи Карла Великого вплоть до Французской революции и Наполеоновских войн. Именно при правлении Наполеона Европа обнаружила внутри себя собственную особенную отрицательность, «свое иное», которым является Россия, чье историческое своеобразие было определено усвоением восточнохристианской духовности и выдающихся достижений западноевропейской культуры. На сцене мировой истории Россия выступает как восточная составляющая единого европейского пространства. Будучи таковой, она постоянно находится в военно-политической и идейной борьбе с Западом, достигшей своего апогея в Первой и Второй мировых войнах, а после них в виде холодной войны, продолжившейся вплоть до современного украинского кризиса. События, вызванные возвращением Крыма в Россию, стали следствием обострившейся напряженности этого диалектического противоречия. Но как возможно снятие российской отрицательности во всеобщей стихии европейского мира? Каким путем это особенное всеобщей Европы преобразится в единичное, став конкретностью ее собственного понятия? Будучи разумной отрицательностью абстрактной всеобщности, особенное с необходимостью должно подвергнуть себя самоотрицанию. «Сдав в архив» всё случайное, временное и преходящее, т. е. неистинное, «ветхое» в своей истории, России предстоит выявить в своей субстанциальной глубине то всеобщее (общечеловеческое, или вселенское), особенной исторической реальностью которого она выступает, и через это прийти к самой себе, к собственной субъективности и единичности, достигнув тем самым истинно бесконечного способа бытия и познания своего национального духа. Этот процесс требует коренной реформации отечественного образования на научно-философском основании, соединяющей в себе, если вспомнить Фихте, сразу две эпохи — эпоху разумной науки и разумного искусства. Задача этой реформации состоит в том, чтобы спасти и сохранить непреходящую истину того тысячелетнего опыта европейско-христианской культуры, которым питался русский дух. Историческая необходимость такого рода европейской интеграции, невозможной без участия России и логически выступающей отрицанием отрицания, выражает себя также в сближении восточного и западного элементов христианства — его православной, католической и протестантских конфессий. Конечным итогом этого развития, предвосхищенного философией истории Фихте, станет действительно единая, полностью соответствующая своему понятию Европа, в которой восточнохристианский и западнохристианский миры обретут свое положительно-разумное место и значение.

Президент Международного общества И. Г. Фихте *Хасинто Ривера де Росалес (Испания)* указал, что Фихте и Гегель существенным образом дополняют друг друга в их отношении к феномену Просвещения. Согласно Фихте, всеобщая значимость разума, царившего в первую эпоху мировой истории в качестве инстинкта, выступает во вторую эпоху в качестве внешнего принуждения, пробуждающего в подчиненных темное чувство собственной свободы. Это запускает третий этап истории, по сути являющийся этапом Просвещения, когда индивиды освобождаются от разума как инстинкта более ранних этапов и от всякой авторитарной власти,

которая хотела бы определять, как индивиды должны чувствовать, что думать и делать. Претензия Фихте к этому умонастроению заключается в том, что индивидуум кажется представителям третьей эпохи последней инстанцией, так что теряется из вида единство сущности всех людей, из которой проистекает свобода каждого. Всеобщая жизнь разума уничтожена, потому что она выступала в явлении в виде произвольного внешнего авторитета, а истинный корень свободы как внутренняя мощь, объединяющая всех, еще не открыт. Поскольку человек Просвещения еще не осознает универсальную жизнь разума и манифестацию абсолютного бытия, которое должно открыть и объяснить наукоучение, постольку центром реальности он считает жизнь индивидуального эмпирического субъекта как нечто независимое от других людей и всеобщей жизни целого. То, что находится вне пределов его опыта, есть для него ничто. Таким образом, это самое низкое и поверхностное воззрение на мир считает чувственный мир высшим, истинным и пребывающим для себя. Это не совсем точно описывает позицию Просвещения, что и демонстрирует Гегель в «Феноменологии духа», появившейся год спустя после «Основных черт современной эпохи». В параграфе «Просвещение» шестой главы этой работы он показывает, что элементы, вступающие здесь в игру, суть, с одной стороны, универсальная сущность (этическая субстанция) всех духовных существ и, с другой стороны, самость, или самосознание каждого индивидуума. Этический мир, предоставленный произволу абсолютного властителя, не признается в своей разумной существенности, а отчужденный от него индивидуум не может считать его своей сущностью, что в конечном счете ведет всех к абсолютной свободе и террору. Конкретное единство фихтевской и гегелевской трактовок Просвещения состоит в усмотрении индивидуумом посредством философского образования того, что всеобщая субстанция (объективный и абсолютный дух у Гегеля и абсолютное явление абсолютного у Фихте) представляет собой его самую внутреннюю сущность, — в том, что он вверяет себя ей и действует ради нее. Как же в связи с этим единством их философских оценок современной эпохи презентует себя нынешнее положение дел? Мы живем в глобализированном мире, где дает о себе знать настоятельная потребность в космополитической связи индивидов и народов. Она необходима нам не только для того, чтобы жить в мире и справедливости, но и для того, чтобы самим стать настоящими людьми, поистине освободиться. Эту связь нужно искать и найти в сущности человеческой свободы, но также и в необходимом взаимодействии всех, чтобы сохранить себя и нашу планету живой и населенной. Многие люди и организации сегодня работают над этим, но индивидуальные интересы единичных людей, групп и государств до сих пор еще представляют собой препятствие для осуществления этой цели мировой истории.

В российском философском сообществе, сообщил *Александр Кудряшёв (Уфа)*, сегодня обсуждаются процессы, схожие с теми, о каких писал Фихте более двухсот лет тому назад. Российское общество ныне находится в нестабильном состоянии, которое можно назвать переходным. Фихте к подобным переходным состояниям относился однозначно: обществу не хватает опоры на философскую науку, ибо только философско-научный разум, подобно мощному потоку света, способен высветить ему необходимый путь к достижению свободы. Без него невозможно описать научную картину мира, в том числе и его истории, а таковая возможна лишь на основе философской системы. План мирового развития принадлежит Богу, однако

реализация этого плана является делом рук человеческих. По Фихте, между человеком и Богом нет непроходимых границ, хотя нет и равноправия. Любые границы в духе проходимы в одном, но не всегда в обоих направлениях. Поэтому «знать» для человека не означает «знать всё». Тем не менее это не означает существования вещи в себе. Отсюда следует вывод Фихте: мир познаваем, и познаваем постольку, поскольку он есть реализация Божественного плана, который может быть раскрыт философски подготовленным к этому акту человеком — ученым. Современные нам представления об эпохе демонстрируют, что мир, объединяющий бытие мыслящих существ, более дискретен и дифференцирован, чем непрерывен и интегрален. Фихте заботит прежде всего проблема разумного сочетания индивидуальной и родовой человеческой свободы, решение которой покончило бы с господством инстинктивного, животноподобного существования человека. Своим требованием сознательно-деятельного отношения к миру этот великий мыслитель вписывается в ту традицию мировой философии, которая была намечена еще Лейбницем. В своей онтогносеологии Фихте более основателен, чем, например, Мах, философская доктрина которого покоилась на предположении, что мир состоит из нейтральных друг другу элементов, или Витгенштейн, полагавший, что мир состоит из фактов. Те предпосылки, которые ставили рамки философствованию Маха и Витгенштейна, не были свойственны Фихте. Именно поэтому он и оказался способен создать философскую картину современной эпохи — современной не только ему, но и нам.

На критику Фихте пустой формы науки обратил внимание *Марио Жорже де Карвалью (Португалия)*. Он указал на то, что Фихте, разделяя в «Основных чертах современной эпохи» историю на пять эпох, видит их различие в форме осуществления разума в каждую эпоху. Однако, согласно Фихте, третья и четвертая эпохи мировой истории, различие между которыми является принципиальным, отделяющим ее бессознательную эру от сознательной, в качестве своего основания имеют одну и ту же максиму — максиму научности, следуя которой в качестве сущего и обязательного можно принять только то, что ясно и отчетливо познано. Различие указанных эпох в отношении этой максимы заключается в том, что система мышления и формирования мнений в третью эпоху базируются на чисто формальном ее истолковании. Ключ к пониманию Фихте научности находится в трех правилах и условиях познания, которые выдвинул Кант в своей «Логике». Согласно Канту, избежать ошибок можно, если мыслить самостоятельно, учитывая все точки зрения и согласуя их в едином познании. Третья эпоха мировой истории, пытаясь следовать этим требованиям, делает упор на самостоятельность индивидов, но теряет из виду собственно мышление. Требование учета всех точек зрения превращается в эту эпоху в очевидную филодоксию, а сведение множества мнений к единству оказывается для ее представителей совершенно невозможным. Таким образом, формальное знание третьей эпохи на деле оказывается не чем иным, как искусством до бесконечности умножать мнения, что и требует содержательного изменения понятия научности в четвертую эпоху, т. е. достижения на базе философской науки понятия самого понятия.

В XIX и XX столетиях в связи с начинающимся процессом глобализации возникло и стало общим местом, в том числе и в философской среде, представление об исторической, культурной и языковой относительности истины, разума и логики, констатировал *Фабиан Фёлькер (Германия)*. И. Г. Фихте, характеризуя современную

ему эпоху как безразлично относящуюся к истине и идеям вообще, сделал вывод, что эта эпоха, в области представлений о познании по сути являющаяся эмпиризмом, ведет к исчезновению философии как таковой и тем самым вызывает потребность в ее возрождении на новых основаниях. В связи с указанным современным позитивистски ориентированным релятивизмом ныне мы наблюдаем именно это, что делает указанную потребность в высшей степени актуальной. Ответить на острую потребность в настоящей философии сегодня должна именно трансцендентальная философия, перед которой поэтому стоит четвероякая задача. Во-первых, ей следует доказать ограниченность эмпирии и то, что основоположения философии не могут быть подтверждены или опровергнуты опытным путем. Во-вторых, трансцендентальная философия должна показать гипотетичность вышеуказанного релятивизма. В-третьих, разработать универсальную логическую грамматику, на основе которой строятся любой особенный язык и любая особенная культура. Наконец, она должна углубить собственный подход, открыв с помощью современного способа постановки проблем и проникновения в основы иудейской, исламской, индуистской, буддистской и даосской культур действительно всеобщее значение разума.

Мартин Бунте (Германия) напомнил о том, что в «Основных чертах современной эпохи» Фихте разделил мировую историю на три фазы — фазу несовершенного и совершенного разума, соединяемые современной эпохой. Наша эпоха при этом представляет собой центральный, поворотный момент истории, после которого разум поднимется на ступень своего сознательного осуществления. Поэтому следующая после нашей эпоха носит у Фихте название эпохи разумной науки, в которую философия разрешит проблему обоснования знания и все науки получат истинную, сознательную форму развития. Однако, несмотря на несомненный прогресс, совершенный науками со времен Фихте, указанная цель до сих пор не достигнута. Успеху в этом отношении препятствовал способ разрешения проблемы обоснования знания, предложенный Фихте, а реальная возможность решения этой проблемы заключается в преодолении его трансцендентального схематизма.

Современный мир находится в глубоком кризисе, а причиной этого критического состояния выступает безудержная экспансия опыта, являющегося необходимым способом духовного освоения мира, указал *Андрей Муравьёв (С.-Петербург)*. Поэтому кризис современности есть разоблачение застарелой детской болезни духа, которой страдает опыт. Диагноз этой болезни для философски образованного ума — не секрет. Недуг состоит в том, что эмпирическое отношение людей к природе и друг к другу было и остается бессознательным. Бессознательность опыта вызвана формализмом участвующего в нем рассудка. Рассудок, который, вопреки Канту, многие до сих пор отождествляют с разумом, логичен только по видимости, но на деле он весьма произвольно обходится с данным ему эмпирическим материалом. Именно поэтому люди до сих пор не ведают, что творят. Каждый из них действует, сознательно преследуя определенную цель, а в результате всех таких действий получается то, чего никто не хотел. Вылечить эту болезнь чрезвычайно трудно, но не лечить ее нельзя, ибо сама собой она не пройдет. Начать лечение указанной болезни требуется как можно скорее, так как наши современники, располагая всё более мощными техническими средствами, способны нанести человечеству гигантский ущерб и даже погубить его. «Чем же лечить эту опаснейшую бо-

лезнь?» — вот в чем состоит основной вопрос современной эпохи, решающий, быть или не быть человечеству. Правильный ответ на этот вопрос прост, только понять его и тем более свободно сделать то, что необходимо для исправления ситуации, отнюдь не просто. Этот спасительный ответ, который вслед за Платоном дал в своей философии истории Фихте, гласит: помочь людям преодолеть бессознательность опыта может только философия как наука разумного мышления, занятого познанием истины, какова она сама по себе, а не лишь для нас — в виде вещей и явлений, с которыми наши рассудочные сознание и мышление имеют дело в опыте. Почему же такой правильный ответ до сих пор не обеспечил благополучного исхода кризиса современности? Первым препятствием на пути к решению этой задачи было то, что Платон и Фихте философией как наукой разума могли считать и считали только собственные философские учения. Поэтому ни Академия Платона, в которой воспитание строилось на основе его диалогов, ни предложенный Фихте в «Речах к немецкой нации» проект национального воспитания и образования немецкого народа, в основе которого лежало его наукоучение, были не в состоянии обеспечить философское преобразование индивидуального и общественного сознания. Оба эти способа сознания продолжали опираться на опыт духа и в лучшем случае философию как науку просто терпели. Появление учения Гегеля, впервые снявшего предшествующую ему историю философии в логической системе философии, ситуацию в целом не изменило. Гегель своей энциклопедической системой только начал завершать историческое развитие философии, и его учение, состоявшее из трех частей (науки логики, философии природы и философии духа), тоже нуждалось в логическом снятии. Послегегелевская европейская философская мысль отнеслась к учению Гегеля лишь как к историческому феномену и оказалась на такое снятие неспособной. Русская же философская мысль советского периода выработала в себе эту необходимую способность только к концу 80-х годов XX в. Решение этой теоретической проблемы сделало возможным в настоящее время переход к практическому преодолению бессознательности опыта путем углубленного философского образования всех специалистов, получающих высшее образование. Ясно, что прежде других специалистов углубленное философское образование должны получить учителя средних школ, так как от них напрямую зависит уровень всеобщего образования нации. Этот переход затрудняет второе препятствие, состоящее в качестве специального философского образования, обусловленном качеством историко-философской подготовки выпускников философских факультетов современных университетов. Ни в России, ни в Европе качество такой подготовки пока не позволяет им взяться за решение столь насущной задачи. Речь идет о том, что на большинстве философских факультетов история философии преподается сегодня как история множества различных философских учений, а не история единой философии как науки. Именно из-за этого недостатка у выпускников философских факультетов складывается превратное впечатление, что единой философии как науки, с помощью которой только и можно научиться разумному способу мышления, необходимому для действительного решения острейших проблем современного мира, не существует. Разумеется, это обстоятельство не должно повергать нас в уныние. Порукой тому, что наши усилия в области совершенствования философского образования не пропадут даром, выступает необходимость всемирно-исторического процесса, раскрытая Фихте. Он отнюдь не ошибался, ут-

верждая, что современная эпоха есть последняя эпоха бессознательного развития разумности человечества — эпоха пустой, отрицательной свободы и формальной, рассудочной, эмпирической науки. За нею может последовать и с необходимостью последует начало положительной свободы духа, для чего и потребуется философия как разумная наука. Она необходима человечеству потому, что лишь с помощью этой науки оно может сохранить истинное содержание опыта, выступившего принципом современной эпохи.

Предлагаемые Фихте средства перехода от третьей эпохи мировой истории к четвертой проанализировал *Антон Иваненко (С.-Петербург)*. Третья эпоха представляет собой, согласно Фихте, такой период мировой истории, когда бессознательная форма осуществления разума сменяется сознательной. Это изменение должно произойти посредством открытия науки разума. Фихте полагал, что таковой стало его наукоучение, но его десятилетние попытки письменно и устно донести свою философскую позицию до современников оказались относительно безуспешными. В результате этого автор наукоучения пришел к выводу о том, что эпоха должна быть подготовлена к восприятию наукоучения с помощью ряда мер. Во-первых, должно быть введено новое национальное воспитание, интегрирующее в себе воспитание и образование, а также теоретический и практический аспекты этого единого воспитательного процесса, целью которого является развитие творческого мышления воспитанников. Во-вторых, в университетах философия должна преподаваться в значительных объемах студентам всех специальностей, а профессионально ориентированные образовательные курсы должны носить характер научного исследования, чтобы вместо обращения к памяти студента сознательно развивать его разум. Третий блок мер, предлагаемых Фихте, касается издательской политики и развития навыка активного, рефлексивного чтения. Хотя конкретика предложений великого мыслителя не всегда выглядит способной обеспечить желаемый результат, их общая направленность и сегодня представляет значительный интерес.

Продолжая анализ этой проблемы, *Андрей Судаков (Москва)* обратил внимание на то, что в духовном климате текущей эпохи мировой истории средства, изобретенные по ходу развития культуры для стимуляции самостоятельного мышления (письменность и печатная книга), превращаются, по Фихте, в собственную противоположность. Поскольку авангард общества, его ученые, в эту эпоху интересуется не истиной, а гонится лишь за оригинальностью мнений, постольку книга и журнал перестают играть роль катализатора мышления и хранилища культурной памяти. Кроме того, публика, для которой пишутся книги и печатаются журналы, резко разделяется на активно высказывающих свои мнения в печати и «чистых читателей», пассивно воспринимающих эти мнения. У «чистого читателя» превалирует потребность в чтении, но так как печатная продукция беспрерывно умножается, а ее содержание становится все более фрагментарным, то это чтение ведет не к развитию мышления читателя, а к его зависимости от процесса чтения, схожей с наркотической зависимостью. Переход от третьей эпохи к эпохе действительной науки разума требует, таким образом, серьезных перемен в области книгоиздательства и чтения. Эта область, разумеется, не может быть подвергнута каким-либо внешним ограничениям, поскольку свобода печати является непременным условием формирования самостоятельности мышления, необходимой для разумной науки, но рассчитывать на изменение характера книгоиздательства и потребления

литературы силами самого книжного рынка не приходится. Фихте надеется, что этим изменениям будет способствовать введение совершенно нового национального воспитания, описанного им в «Речах к немецкой нации». Одной из задач этого воспитания является выработка у молодежи навыка рефлексивного чтения, благодаря которому всем читателям предстоит стать не пассивными реципиентами напечатанного, а активными собеседниками и оппонентами авторов книг.

Основные черты той или другой эпохи определяются, согласно Фихте, их отношением к разуму. В современной ситуации главным признаком действительного существования разума в той или иной стране, указала *Нина Громыко (Москва)*, является наличие в ней научных школ, сознательно опирающихся на философию. Одна из таких научных школ возникла в 50-е годы прошлого столетия в Германии, другая — тогда же в России. Речь идет о Мюнхенской школе трансцендентальной философии и Московском методологическом кружке (ММК). В послевоенной Германии учение Фихте вновь открыл для своих соотечественников Рейнхард Лаут (1919–2007). Побывав в русском плену, он занялся изучением творчества Ф. М. Достоевского с целью обнаружения в нем ответа на вопрос о смысле жизни. Поиск духовных явлений, аналогичных Достоевскому, на своей родной почве привел Лаута к тому, что он нашел в немецкой культуре Фихте, который традиционно воспринимался исключительно как предшественник Гегеля. Лаут привлек молодежь к изучению изданных работ Фихте, а также к поиску его манускриптов, набросков известных и неизвестных произведений, писем и конспектов лекций философа. Сотрудники Р. Лаута — Г. Гливицки (1932–1998), Э. Фукс, К. Хан, Ф. Бадер, Г. Гирндт, П. Шнайдер и др. — образовали Мюнхенскую школу трансцендентальной философии. Создателями ММК были Г. П. Щедровицкий, А. А. Зиновьев, Н. Г. Алексеев и И. С. Ладенко, причем первый был дружен с В. В. Давыдовым и Э. В. Ильенковым, которые, борясь в условиях марксистско-ленинской ортодоксии за сохранение и развитие мышления, не входили в ММК, но оказывали на него серьезное теоретическое влияние. Членами этого кружка, поставившего своей целью развитие на методологическом основании осознания принципа деятельности различных областей практики, были Н. Г. Алексеев, В. А. Жегалин, Ю. В. Громыко, Г. Г. Копылов и др. Фихте трактовался ими как тот, кто первым пытался вывести из принципа деятельности систематическое учение о мышлении и знании. Таким образом, если Фихте, опираясь на свое наукоучение, духовно спас своей философией истории и философией нации немецкий народ от бонапартизма, то Мюнхенская школа трансцендентальной философии на той же основе защищала самостоятельность мышления, с одной стороны, от диктата гегелевской парадигмы, с другой — от оккупации его англо-саксонскими позитивистскими схемами, а ММК сознательно противопоставил догматизму и безмыслию официальной советской идеологии продуктивное обращение к принципу деятельности.

Резюмируя эту содержательную дискуссию, посвященную великому немецкому идеалисту, следует сказать, что философия истории И. Г. Фихте по сей день сохраняет свое выдающееся теоретическое и практическое значение. Она обладает не только мощным эвристическим потенциалом для истолкования прошлого человечества и освещения перспектив его развития, но и, разрешая коллизию между спекулятивным и исключительно эмпирическим подходами к изучению истории мира, может служить образцом для будущих исторических исследований.

Литература

1. *Александров К.* Немецкий идеализм после конечности // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. Т. 26, № 2. С. 1–4.
2. *Тимофеева О.* Сова и ангел // Философско-литературный журнал «Логос». 2016. Т. 26, № 2. С. 133–158.
3. *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации / пер. с нем. А. А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
4. *Гайденко П. П.* Парадоксы свободы в учении Фихте. М.: Наука, 1990. 127 с.
5. *Длугач Т. Б.* От Канта к Фихте (сравнительно-исторический анализ). М.: Канон+, 2010. 367 с.
6. *Иваненко А. А.* Философия как наукоучение: генезис научного метода в трудах И. Г. Фихте. СПб.: Владимир Даль, 2012. 382 с.
7. *Ломоносов А. Г.* Иоганн Готлиб Фихте. СПб.: Наука, 2016. 253 с.
8. *Фихте И. Г.* Соч.: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. 687 с.
9. *Фихте И. Г.* Соч.: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. 798 с.
10. *Фихте И. Г.* Соч. Работы 1792–1801 г. М.: Ладомир, 1995. 656 с.
11. *Фихте И. Г.* Наставление к блаженной жизни. М.: Канон+, 1997. 398 с.
12. *Фихте И. Г.* Наукоучение 1801 г. М.: Логос; Прогресс, 2000. 192 с.
13. *Фихте И. Г.* Система учения о нравах, Наукоучение 1805 г., Наукоучение 1813 г., Наукоучение 1814 г. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 619 с.
14. *Фихте И. Г.* Речи к немецкой нации (1808) / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, 2008. 335 с.
15. *Фихте И. Г.* Соч. СПб.: Наука, 2009. 752 с.
16. *Фихте И. Г.* Основа естественного права. М.: Канон+, 2014. 392 с.
17. *Фихте И. Г.* Произведения 1806–1807 г. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 256 с.
18. *Фихте И. Г.* Основные черты современной эпохи // Фихте И. Г. Соч.: в 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 2. С. 359–617.

Статья поступила в редакцию 10 января 2018 г.;
рекомендована в печать 8 февраля 2018 г.

Контактная информация:

Иваненко Антон Александрович — канд. филос. наук, доц.; antonivanenko@mail.ru
Муравьёв Андрей Николаевич — канд. филос. наук, доц.; muravyovan@yandex.ru
Крюкова Ксения Вячеславовна — канд. полит. наук, асс.; k.krukova@spbu.ru

J. G. Fichte's philosophy of history in the mirror of contemporaneousness

A. A. Ivanenko, A. N. Muravev, K. V. Krukova

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Ivanenko A. A., Muravev A. N., Krukova K. V. J. G. Fichte's philosophy of history in the mirror of contemporaneousness. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2018, vol. 34, issue 2, pp. 186–200. https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2018.205

J. G. Fichte's outlook at the world history developed by him in work «Main features of the contemporary epoch» and closely associated with the other parts of his system still has not been elaborately examined in the native scientific literature. The article is devoted to showing the actuality of his philosophy of history content in the present spiritual situation. To achieve this aim, there is a demonstration in the article that creative work of Fichte including his philosophy of history in the recent decades reveals the growing interest of the world's philosophical community concentrated in the activities of the International society of J. G. Fichte. Moreover, the content of Fichte's philosophy of history is analyzed in connection with his teaching on upbringing, language, and the nation, as well as the relation to Fichte's philosophy of history practiced by contemporary native and foreign researchers of his heritage. This material being

investigated by methods of textual and comparative analysis, the authors of the article come to the following conclusions. The philosophy of history of the great German idealist has been keeping its significance nowadays as for its substantive and methodological side as well. Substantially it has an unquestionable heuristic potential to explain the past of mankind and to show the development perspective hereof. Resolution of collision between pure rational and exceptionally empirical approaches to learning of the world history proposed by Fichte is one of the most important establishments in this sphere. Fichte's teaching on the determinate role of the language in the life of the folk and the nation together with the beginning of new upbringing developed by him is of great practical importance.

Keywords: J. G. Fichte, philosophy of history, language, folk, nation, upbringing, reason.

References

1. Aleksandrov K. Nemetskii idealizm posle konechnosti [German idealism after finiteness]. *Philosophical-literary journal "Logos"*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 1–4. (In Russian)

2. Timofeeva O. Sova i angel [The Owl and angel]. *Philosophical-literary journal "Logos"*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 133–158. (In Russian)

3. Fichte J. G. *Rechi k nemetskoi natsii* [*Die Reden an die deutsche Nation*]. Transl. by A. A. Ivanenko. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 349 p. (In Russian)

4. Gaidenko, P. P. *Paradoksy svobody v uchenii Fichte* [*The paradoxes of liberty in Fichte's doctrine*]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 127 p. (In Russian)

5. Dlugach T. B. *Ot Kanta k Fichte (sravnitel'no-istoricheskii analiz)* [*From Kant to Fichte (comparative historical analysis)*]. Moscow, Kanon + Publ., 2010. 367 p. (In Russian)

6. Ivanenko A. A. *Filosofiia kak naukouchenie: genezis nauchnogo metoda v trudakh J. G. Fichte* [*Philosophy as Science of Knowledge: Genesis of the scientific method in the works of Fichte*]. St. Petersburg, Vladimir Dahl Publ., 2012. 382 p. (In Russian)

7. Lomonosov A. G. *Iogann Gotlib Fichte* [*Johann Gottlieb Fichte*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 253 p. (In Russian)

8. Fichte J. G. *Sochineniia* [*Works*], vol. 1. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993. 687 p. (In Russian)

9. Fichte J. G. *Sochineniia* [*Works*], vol. 2. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993. 798 p (In Russian)

10. Fichte J. G. *Sochineniia. Raboty 1792–1801 g.* [*Works of 1792–1801 years*]. Moscow, Ladomir Publ., 1995. 656 p. (In Russian)

11. Fichte J. G. *Nastavlenie k blazhennoi zhizni* [*The Way Towards the Blessed Life*]. Moscow, Kanon+ Publ., 1997. 398 p. (In Russian)

12. Fichte J. G. *Naukouchenie 1801 g.* [*Presentation of the Wissenschaftslehre, 1801*]. Moscow, Logos Publ., Progress Publ., 2000. 192 p. (In Russian)

13. Fichte J. G. *Sistema ucheniia o nravakh, Naukouchenie 1805 g., Naukouchenie 1813 g., Naukouchenie 1814 g.* [*Das System der Sittenlehre, Wissenschaftslehre 1805, Wissenschaftslehre 1813, Wissenschaftslehre 1814*]. Transl. by V. V. Murski. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2006. 619 p. (In Russian)

14. Fichte J. G. *Rechi k nemetskoi natsii (1808)* [*Die Reden an die deutsche Nation*]. Transl. by A. K. Sudakov. Moscow, Kanon+ Publ., 2008. 335 p. (In Russian)

15. Fichte J. G. *Sochineniia* [*Works*]. Transl. by B. V. Yakobenko and others. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009. 752 p. (In Russian)

16. Fichte J. G. *Osnova estestvennogo prava* [*Foundations of Natural Right*]. Moscow, Kanon+ Publ., 2014. 392 p. (In Russian)

17. Fichte J. G. *Proizvedeniia 1806–1807 g.* [*Works of 1806–1807 years*]. Transl. by V. V. Zolotuhin. St. Petersburg, Izdatel'stvo RHGA, 2015. 256 p. (In Russian)

18. Fichte J. G. *Osnovnie cherti sovremennoi epokhi* [*Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters*]. Fichte J. G. *Sochineniia* [*Works*], in 2 vol., vol. 2. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993, pp. 359–617. (In Russian)

Author's information:

Anton A. Ivanenko — PhD, Associate Professor; antonivanenko@mail.ru
Andrei N. Muravev — PhD, Associate Professor; muravyovan@yandex.ru
Kseniia V. Krukova — PhD, Assistant Professor; k.krukova@spbu.ru